

12 июля 1987
МОСКОВСКИЙ КОЛЛЕКТОР

О СОБЫИИ гон сценической композиции задеат присутствие А. Кадеишвили. Как почти у всех, у него в спектакле «Здравствуйте, люди!» несколько ролей от автора, учителя истории, но прежде всего — Иллариона.

Казаось бы, от автора в повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» должен выступать Зурикела (ведь это же он назван здесь «я»). Но Зурикела (В. Канталадзе) ведеат партию деревенского парня, ленивого ученика, но доброго и

А ЕЩЕ эта ансамблевость напоминаеат грузинское многоголосие. Это вокальное чудо возникает так: никто не хочет петь в точности как другие, но никто не хочет «испортить песню». Каждый выстраивает свою причудливую партию, а общая гордость в том, как они слитны.

За примером ходить далеко не пришлось: эти песни звучат прямо здесь, как-то очень по-домашнему, как рязанские в Рязани, и среди них трогательно звучит

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОГО ДНЕВНИКА

Мы приехали, здравствуйте!

отзывчивого юноши. А взгляд издаалека, с высот мудрости не случайно поручен исполнителю роли Иллариона.

Он может быть меланхоличен (автор), дубоват (учитель истории), простодушен и добр (Илларион). Но все это — на каком-то особом человеческом материале, который, кажется, страшно дефицитен сегодня в любых театрах, кроме грузинского. В неновой одежде, в шерстяных носках, натянутых на брюки, он все-таки героичен — не потому, что делает для этого что-нибудь внешнее, не из-за запланированных жестов и интонаций, а потому, что это в его природе.

Его очень нетрудно мысленно переодеть в Сиду, Дон Кихота, Робин Гуда (точнее, наверное, в Дату Туташиа). Он может быть неловок, на охоте за зайцами подстрелить собаку, но это лишь украшает его тайную героичность улыбкой, не отмечая ее.

И в его даже молчаливом присутствии история деревенского паренька, у которого война отняла родителей, укореняется не где-нибудь, а именно в Грузии, еще точнее — в Гурии.

Перед нами — гурийский спектакль гурийского театра — Махарадзевского грузинского государственного драматического театра имени А. Цуцунава.

Театр невелик. Фотография труппы в проспекте несколько напоминает снимок большой патриархальной грузинской семьи. Это ощущение укрепляется тем, что самую крохотную роль здесь поддвигают как свою долю работы в семейном подряде, которая должна быть выполнена с душой.

«Рябина кудр-вая», исполненная с грузинским музыкальным акцентом.

В этом простом и сложном, бедном подчас едой, но богатом чувствами, не ярком внешне, по краскам, но глубоко эстетически разработанном народном мире живут и действуют герои молодого Думбадзе. Повесть неплохо известна всеоюзному читателю, и было очень приятно встретиться со всеми. С бабушкой (З. Тотиадзе), старрой чисто условно, а молодой и прекрасной в своей доброте — навсегда, как она и сохранилась в памяти внука. С благородным Илларионом и насмешливым, лукавым Илико (Г. Мдинарадзе), доброта и дружелюбие которого проявляются не сразу и тем сильней действуют.

И — с особым миром, удерживающим почти автобиографическую конкретность повествования на грани сказки — с миром добрых, хитрых, капризных, даже и говорящих при случае зверей. Этот мир, почти знакомый нам по картинам Пирсомани, вечен в Грузии, в книге Сулхан-Саба Орбелиани, в народных сказках и баснях.

С особым чувством не только смотришь, но и слушаешь эту историю на языке Думбадзе. Когда сама переводчица сначала смеется в наушниках, а потом объясняет, почему. А однажды она, кажется, всхлинула.

Театр, руководимый В. Чигогидзе, показал в Москве короткие, поистине гостевые гастроли на опустевшей летней сцене МХАТа. Связь между театрами не случайна: когда-то, недалеко от Озургети (ныне город Махарадзе) родился Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Приветствовать гостей на сцену вышла А. И. Степанова, и общее впечатление родства, дружбы, семьи окрепло и памятно окрасило этот чудесный июльский вечер.

М. АРГУС.